

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

Сегодняшний мир вступает в эпоху «рвущихся нитей» человеческой истории, во времена «эволюционного перелома, равного которому в истории человечества не было» (А. А. Зиновьев). Цивилизация в ее духовной, технологической и геополитической ипостасях приближается к опасной границе, переход которой чреват фундаментальными изменениями и необратимой деформацией культурно-антропологических матриц, архитектура и метафизика которых была заложена великими пророками и философами осевого времени — эпохи, когда свершился интеллектуальный и «мировоззренческий» поворот истории и сформировался человек в его духовной открытости миру (К. Ясперс). В тревожных оценках перспектив человечества обнаруживаются отзвуки почти религиозной эсхатологии, фиксирующей стремительный рост «бытийственных проблем и противоречий», предельное обострение противоборства добра и зла: «многое, слишком многое свидетельствует о том, что наш век — канунный» [6, с. 1135].

О неизбежности смены цивилизационной парадигмы свидетельствует стремительное нарастание глобальных кризисов геополитического, культурно-антропологического и экологического характера, которые ставят под сомнение модель прогресса, реализованную на предыдущем этапе техногенного развития (В. Степин)¹. Переход к новой цивилизационной стратегии также связан с грядущим «демонстражем капитализма» в результате разрушения модели рыночного производства и истощения ресурсов так называемых некапиталистических зон, формировавшихся в процессе глобальной экспансии капитала.

Драйвером перехода цивилизации в посткапиталистическую фазу становится *четвертая промышленная революция*, которая приходит на смену нынешней информационной революции (третьей по счету после аграрной и

---

¹ В соответствии с первичным смыслом слова кризис (*гр.* κρίσις) означает «суд», «приговор»; в более мягком значении фиксирует границу, водораздел, исход, поворотную точку, смену вектора развития.

индустриальной) и формирует принципиально новый технологический уклад, основанный на экспансии искусственного интеллекта, тотальной автоматизации и роботизации производства. В социально-культурном плане неизбежность перехода цивилизации в качественно иное состояние «гарантирует» расширяющаяся пропасть между «силой» и «мудростью» (А. Назаретян), усиливающаяся «асимметрия вооружений» добра и зла (А. Кураев), которая дает злу неоспоримые преимущества в борьбе за умы и души. В метафорическом смысле драму переживаемого этапа символизирует гамлетовская формула «*распалась связь времен...*». Неопределенность сценариев будущего усиливает приближение «*технологической сингулярности*» — точки на кривой исторического времени, фиксирующей начало «взрывного» этапа прогресса, стремящегося в бесконечность и рождающего потенциально широкий спектр моделей развития с непредсказуемыми последствиями².

В предыдущие века источником глобальной динамики и фактором мирового развития была Европа. Сегодня западноевропейская модель культуры, человека, государственного устройства и общества вписывается в «стратегию нисхождения»: глубинные метафизические и экзистенциальные разломы системного цивилизационного кризиса минимизируют ее шансы на оздоровление, причем не только в логике сценариев откровенно деструктивного постмодерна, но и в рамках классического модерна, давно и системно исчерпавшего свои конструктивные ресурсы. Перспектива финала европейской цивилизации с ее неолиберальным глобальным проектом «впервые предстает во всем ее драматизме»: Запад покидает «арену истории» (А. Пелипенко). «Духовную капитуляцию» приближают разломы на метафизическом уровне: западная цивилизация вошла в стадию «предельной усталости» от перенапряжения, вызванного давлением «прометеева технологического порыва» (А. С. Панарин).

---

² Процесс смены эволюции информационно-технологической революцией описывает «кривая Снукса–Панова», которая фиксирует нарастающее увеличение угла между горизонтальной осью и кривой динамики цивилизации, которая все больше приближается к вертикали. Момент перехода кривой линии в вертикальную и есть точка сингулярности, в которой отрицаются предыдущие законы и логика развития и фиксируется переход мира в неведомое будущее.

Все чаще звучат пессимистические выводы о тупиковом характере эпохи постмодерна, которая строит свое настоящее и будущее на тотальном нигилизме по отношению к великим достижениям предшествующих времен. Концепция мироустройства, основу которой составила свобода «от» как высшее благо и модель рынка как независимого от государственного контроля института, обеспечивающего процесс «самовозрастания коллективного богатства», оказалась теоретически несостоятельной и практически разрушительной для ключевых институтов и структур государства и общества.

Представления о конструктивных возможностях «естественного порядка», возникающего в ситуации неуправляемой саморегуляции, продемонстрировали свою искусственность и беспочвенность: вне государственного контроля и сдерживающей энергии Логоса все сложные системы неизбежно стремятся «к конечному состоянию хаоса и смерти» (А. С. Панарин). Беспощадный рыночный отбор «расчеловечивает» личность, лишая ее базовых душевных качеств — стыда, совести, милосердия, ответственности. Рыночный тоталитаризм, уничтожая мотивацию социального участия, лишает общество энергии солидарности, превращая его в существующую под знаком энтропии «дисперсную среду».

Метафизический и институциональный кризис западной цивилизации обретает глобальный масштаб, запуская деструктивные реакции, переводящие мир в предельно неравновесное состояние. Точка бифуркации, повышая неопределенность завтрашнего дня, предполагает две взаимоисключающие стратегии будущего: 1) регрессивную, усиливающую дезорганизацию мировой системы и расширяющую пространство хаоса; 2) конструктивную, обеспечивающую воспроизводство базовых культурных универсалий и блокирующую рост энтропии. Эти стратегии находятся в постоянной (и не всегда видимой) борьбе за доминирование, которая происходит не только в геополитике, но и в экзистенциальных глубинах мировой культуры и души человека. При этом у человечества всегда была и остается свобода выбора: идти по пути «нисхождения» в деструктивные стихии (в том числе далекого

прошлого) или восходить к новым духовным высотам. Противостояние этих доминант в современной цивилизационной динамике приобретает глобальный характер. «Дилемма проста и жестока: либо ценой основательной расчистки прорыв на следующий виток усложнения, либо провал в тотальное упрощение, консервация и глобальное торможение эволюционной динамики» [7, с. 18].

Первый вариант, снимая напряжение движения вверх, неизбежно влечет за собой деградацию и откат к «рецессивным» культурно-цивилизационным формам. Метафизический контекст появления и растущей популярности стратегий нисхождения — эпоха постмодерна, институты которой расширяют пространство регресса, усиливая энтропию в культуре и обществе. Сценарии будущего в рамках данного направления исповедуют антропологический нигилизм — разрушение привычных критериев идентичности.

1. В стратегию культурно-антропологической регрессии мира вписываются пессимистические сценарии, фиксирующие нисходящую логику истории. Например, вариант катастрофического будущего Нассима Талеба, который не исключает финал самоуничтожения значительной части человечества (в том числе в результате глобального военного конфликта) [8]. Или теория *бегства из культуры в природу*, возврата в *родовые стихии*, в *наивную эпоху*. Свою логическую завершенность она нашла в концепции *культурного нигилизма* с ее тотальной критикой культуры как «антиприроды», прогрессирующего доминирования искусственного начала над спонтанным, естественным, живым. Эпатирующим вариантом культурного нигилизма стал сценарий полного отказа от культуры и возврата к «новому единству с природой» американского антрополога Дж. Зерзана, согласно которому неизбежно появление *первобытного человека будущего* [2].

2. Ярко выраженный вектор «антропологического нигилизма» обнаруживает концепция «управляемой эволюции», автором и исполнителем которой выступают интеллектуально и мировоззренчески интегрированные группы транснациональных элит, которые: а) понимают логику исторических процессов и на этой основе выстраивают сценарии «оптимального будущего»;

б) имеют ресурсы для их воплощения (А. Фурсов). Проект «управляемой эволюции» преследует две стратегические цели: во-первых, тотальная власть над миром — контроль над ресурсами, духовными факторами человеческой эволюции (в том числе над структурами производства и трансляции знания), сознанием и поведением людей; во-вторых, мягкий «антропологический геноцид мира» — создание условий для естественного самоуничтожения значительной части человечества, которое становится лишним в грядущем мире цифровой экономики и искусственного интеллекта.

3. В сценарий «антропологической регрессии» вписывается *«трансгуманистический проект»* будущего. Логика его адептов продиктована пониманием глобальной исчерпанности «энергии восхождения», в том числе в результате «невероятного взлета усложнения в конце прошлого и начале нынешнего века». Сегодня мир стремительно проваливается «в процесс вторичного упрощения», силы которого «отчаянно наступают по всему фронту» [3]. Основные аргументы в пользу трансгуманистического сценария связаны с констатацией усиления двух направлений деградации человечества: метафизической и биологической.

Во-первых, гуманитарии критически оценивают интеллектуальные ресурсы и возможности развития «гуманистических» качеств разума, которые ограничены «неискоренимыми свойствами природного носителя»: в психофизические матрицы ментальности встроены заложенные в пластах коллективного бессознательного деструктивные энергии. Именно здесь находится источник амбивалентности эмоциональной сферы с ее бессознательной тягой к острым конфликтным ситуациям, нуждой в регулярной «подпитке» острыми негативными переживаниями. На этапе постмодерна возврат к телесности и «разнузданной чувственности», освобождающий инстинкты эроса и танатоса, грозит погружением человечества в «скотоподобное состояние», лишая его оптимистического будущего (А. П. Назаретян).

Во-вторых, пессимистическая оценка перспектив обусловлена биологической деградацией человечества, генофонд которого, прежде всего под воздействием цивилизационных фактов, накапливает все больше материала, угрожающего выживанию в усложняющемся антропоцене. Поэтому решающим условием сохранения цивилизации, с точки зрения приверженцев трансгуманизма, является «сброс биологической оболочки» и «денатурализация носителя интеллекта» (в том числе путем проектирования «человеко-машинных интерфейсов»). Искусственное производство человека, обесценив его «генетическую принадлежность» и уничтожив деструктивные в своей основе «родовые» основания идентичности, даст возможность человеку «почувствовать себя носителем общечеловеческой и даже космической истории», открывая перспективы контроля метagalactic процессов и «ноосферизации космоса» [5, с. 324].

«*Оптимистическая*» группа сценариев является результатом интеллектуальной активности гуманитарной элиты, которая не утратила чувства долга перед судьбами мира и сохранила веру в онтологический статус Логоса как порождающего реальность замысла. В данной системе координат обнаруживается как минимум три варианта цивилизационного будущего.

1. В *стратегию восхождения* вписывается альтернатива завершающему свой век западному неолиберализму — *Евразийский проект*, убедительный и значимый в контексте острейших проблем государственного и общественного развития для огромного географического и культурного пространства. Евразийский мир отрицает капиталистический путь развития в его неолиберальной версии, он не приемлет одномерную модель рыночного мироустройства, распространяющуюся по всему миру, поражая «цветущую сложность» народов, культур и цивилизаций «недугом плоско-буржуазного конца истории» [1, с. 647]. Духовный код Евразии, который не смогли окончательно уничтожить информационные интервенции Запада и компрадорские группы внутри страны, отвергает диктатуру капиталократии, категорически не приемлет западную модель культурной политики,

превратившей биологические отправления в норму самовыражения, итогом чего стала духовно-нравственная деградация человека.

Статус духовного центра Евразийского континента по праву принадлежит России как состоявшейся в социально-культурном и духовном смысле цивилизации, обеспечившей на предыдущих этапах истории синтез европейских и азиатских начал на основе примата закона кооперации над законом конкуренции, торжество истины, добра, красоты, справедливости, преимущество альтруизма перед эгоизмом.

2. Как перспективный сценарий завтрашнего дня рассматривается обновленный *коммунистический проект*, гуманистическую основу которого составляет образ человека в его конструктивной, созидательной, духовной сути. Основной аргумент в пользу данного варианта заключается в том, что даже реализованная в СССР социалистическая модель коммунизма, будучи гуманистически усеченной, развивалась в русле восхождения, что и обеспечило ее победу над нацистской идеологией, ввергающей мир в бездну расизма. Европейская цивилизация 1930-х годов стояла на краю пропасти нисхождения (С. Кургинян).

Здание буржуазного либерализма и гуманизма к тому времени было распатано массовым атеизмом и выжжено ненавистью на полях сражений Первой мировой войны. Нигилизм, разрушивший христианские матрицы европейского мира и блокировавший религиозное восхождение, открыл дорогу попирающей все моральные принципы нацистской «белокурой бестии». В итоге энергия *коммунистического будущего* спасла мир от тотального нисхождения в отвратительные стихии языческого прошлого, обеспечив победу Советского Союза над нацистской чумой [3]. «Коммунистический строй в России не изжил себя, он был молодой, только начал взрослеть, и его убили. Искусственно разрушили. Я, как социолог, утверждаю, что по уровню социальной организации он выше всего того, что есть на Западе... с разгромом русского коммунизма Россия навечно утратила перспективу стать великой,

ведущей державой. Я думаю, что советский период был вершиной русской истории, и на такую высоту Россия больше не поднимется» [4, с. 323].

Сценарий коммунистического будущего обретает реалистичность, во-первых, в контексте заката капиталистической системы производства. Во-вторых, на фоне экспансии глобальных проблем приходит понимание бесперспективности неolibеральной модели мироустройства, которая завершает свой триумфальный путь распадом системообразующих институтов и теоретического каркаса, включающего такие категории, как гуманизм, свобода, демократия, права человека. В-третьих, коммунистический вектор согласуется с гуманистическим направлением европейской мысли Нового времени. Не случайно гуманитарии даже коммунизм в его советском воплощении квалифицировали «как адаптированную модель европейского Просвещения» (А. Панарин).

3. К оптимистическим вариантам глобального будущего относится также *Ноосферный прорыв* — движение к парадигме универсального эволюционизма и устойчивого развития, к планетарной кооперации этносов, к миру без войн и насилия. Основу парадигмы составляют учение В. И. Вернадского о ноосфере и идеи П. А. Флоренского о пневмосфере, воспроизводящей безусловные ценности человечества, приближающие его к Идеалу. Геополитическим субъектом «ноосферно-социалистических преобразований», переводящих динамику мировых разломов и столкновений «в континуум коэволюционного развития народов и государств», может стать «Большая Евразия» (А. И. Субетто), консолидированная цивилизационной мощью и духовным опытом России — важного звена современного миропорядка, во многом определяющего «вектор глобального развития и безопасности» (В. Н. Купин).

В концепцию универсального эволюционизма вписывается проект *нового социального государства*, исторические контуры которого «проступают в грядущей постлиберальной фазе мирового исторического развития». Социальное государство избавляется от фрагментов «фаустовской культуры», породившей убийственный для человека и природы «технологический

империализм», отвергая «лежащую в основе такого прогресса духовно-ценностную мотивацию», «утилитаристские и антигуманные проекты „спасения мира“», инициированные правящей миром «мальтузианской социал-дарвинистской элитой».

Сценарий такого будущего выстраивается на реабилитации базовых ценностей европейского Просвещения, в центре которого был человек-творец. «Просвещенческая картина мира — открытая, экзотерическая, уповающая на этнически нейтральные универсалии Прогресса». В педагогике Просвещения был заложен высокий гуманистический смысл: она оптимистически оценивает конструктивный потенциал народов и культур, позволяющий «приобщиться к вершинам развития» (А. С. Панарин). Метафизическим фундаментом проекта нового социального государства может стать *космоцентричная доминанта*, вписывающая человеческие замыслы и цели «в строй общей космической гармонии, значение которой заведомо превышает наши своевольно корыстные притязания и расчеты» (А. С. Панарин). Его гуманистическая миссия состоит в реабилитации «морально-религиозных оснований» мира, в котором обездоленные и «нищие духом» выступают носителями высшего смысла — спасителями познавшего закон джунглей «одичавшего человечества».

Описанные выше оптимистические сценарии можно рассматривать как варианты будущего, предстающие в статусе потенциального, которое предшествует реальному и действительному и «скрыто» в его недрах (А. Бергсон). Безграничные творческие возможности человека, который всегда находил конструктивный ответ на трагические вызовы времени, делают эти сценарии вероятными (К. Ясперс). Реализация же того или иного варианта зависит не только от объективных обстоятельств и наличия необходимых ресурсов, но и от моральной ответственности интеллектуальной элиты, способной оживить и превратить в энергию созидания идеи будущего, в которых на синергетической основе интегрируется духовный опыт прошлого и конструктивный потенциал настоящего.

Современная философско-культурологическая мысль должна рассматривать поиск новых стратегий и сценариев развития, альтернативных неолиберальным идеологиям, не только как свой научный долг, но и как духовно-нравственную ответственность перед будущим человечества. Образ грядущего формируется стихией Логоса и уже потом становится конструирующим реальность «самосбывающимся пророчеством».

Литература

1. *Дугин, А. С.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России: мыслить пространством / А. С. Дугин. — Москва : Арктогея-Центр, 1999. — Текст : непосредственный.
2. *Зерзан, Дж.* Первобытный человек будущего / Дж. Зерзан. — Москва : Гиля, 2007. — Текст : непосредственный.
3. *Кургинян, С.* О будущем коммунизма / С. Кургинян. — Текст : электронный // *Завтра*. — 2018, 7 нояб. — URL: https://zavtra.ru/blogs/o_budushem_kommunizma?
4. Мой путь в науке : интервью с профессором А. А. Зиновьевым. — Текст : непосредственный // *Личность. Культура. Общество*. — 2001. — Т. III, вып. 4 (10). — С. 278–334.
5. *Назаретян, А. П.* Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно–психологические предпосылки глобального прогнозирования / А. П. Назаретян. — Москва : Аргмак-Медиа, 2014. — Текст : непосредственный.
6. *Панарин, А. С.* Православная цивилизация / А. С. Панарин. — Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2014. — Текст : непосредственный.
7. *Пелипенко, А.* Русская матрица: Последний путь / А. Пелипенко. — Текст : непосредственный // *Острог*. — 2017. — № 14. — С. 5–18.
8. *Cirillo, P.* The Decline of Violent Conflicts: What Do The Data Really Say? / P. Cirillo, N. Taleb. — URL: <http://nassimtaleb.org/2016/06/nassim-recently-presented-thesis-violence-nobel-symposium>. — Текст : электронный.